

1 КРУГОГОР 75

...Улицы, поросшие липами, кленами, тополями, каштанами, незаметно вливаются в зеленые озера парков и текут себе дальше зелеными реками. А дворы! Вместо привычных асфальтированных квадратов, зажатых между домами, — газоны, цветники, ближе к окраинам — яблоневые или вишневые сады, притом сады плодовые, ибо земля здесь добрая, щедрая...

Таким был Киев летом 1940 года, когда познакомил меня с ним Максим Рыльский. Поэт прекрасно знал историю города, историю Руси. Перед моими глазами как бы вставал перекресток времен. Я увидел Киев с тех мест, где зарождалась Древняя Русь, его окраины с холмов, с днепровских круч, а тогда за рекой были

далеко-далеко раскинуты лишь зелено-сизые леса, да в рукавах старого Днепра виднелись зеленые острова, меж ними множество рыбацких челнов — красота, что осталась и ныне, но в обновленном виде. То был довоенный Киев, он только начинал привыкать к столичному рангу. Город стремительно рос, строился, сливая в своем облике знаменитую Лавру, Софию, Андреевский спуск, Выдубецкий монастырь — с новыми кварталами, творения природы — с творениями зодчих, живущих сегодня и живших тысячелетие назад, во времена Киевской Руси.

Максим Рыльский приглашал меня приехать в Киев и на следующее лето. Я вернулся нескоро...

На пути всего партизанского рейда нам, ковпаковцам, казалось, что именно мы несем городу освобождение. Не случайно свою первую поэму, самое большое произведение военных лет, я назвал «На Киев!». Мы так и не дошли до Киева: в дни его штурма партизанское соединение, возвратившись из карпатского рейда, оседло в Полесье железную дорогу Киев — Брест, поставив заслон фашистским эшелонам пополнения, автоколоннам, танкам. Позднее, уже перед варшавским рейдом, которым командовал Петр Вершигора, мы сражались с гитлеровскими войсками, двигавшимися в направлении Житомира, чтобы снова поневоле уже освобожденный Киев.

ГОРОДА-ГЕРОИ

СЛОВО

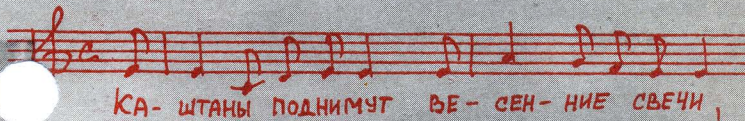
Платон ВОРОНЬКО

КИЕВЕ

Песенная премьера
«Кругозора»

Поет
И. Кобзон

КА-ШТАНЫ ПОДНИМУТ ВЕ-СЕН-НИЕ СВЕЧИ,

А потом была зима 1944 года. Двадцать два дня товарищи везли меня, беспмятного, вынесенного из боя под белорусским городом Столином, на тачанке по немецким тылам, через леса и хутора.

Очнулся я, спеленатый бинтами, уже в кузове старенького грузовика, ползущего разбитой, незнакомой как будто улицей. Лишь увидав красное здание—не здание, пустую красную коробку с черными следами пожара над окнами,—я узнал университет. Вот и памятник Тарасу, весь в пулевых отметинах. Значит, едем по бульвару Шевченко. Сейчас должен быть Крещатик... Когда-то главную улицу Киева так и называли Крещатым Яром. Теперь это было мертвое ущелье посреди искореженного железа, остатков балок, обнаженных квартир, былого мира и затишья, опаленного и страшного. Лишь по оси улочных завалов рассчитана была узкая, всего метра в три, полоска, по которой

лось приложить к этому руки: разбирать обломки, носить щебень на носилках, разматывать свитые в клубок провода. Рядом работали известные писатели, отложившие перо, чтобы встал из руин новый Киев: Юрий Яновский, Максим Рыльский, Остап Вишня, Александр Копыленко и другие мои более молодые коллеги.

Первым поднялся на Крещатике, как бы освещая и освещая начавшееся на руинах здание, величественный памятник В. И. Ленину. И там, где когда-то переворачивал я битую щебенку, загорелась истинно алмазная звезда в короне нового Киева: в Институте сверхтвердых материалов при АН УССР под руководством В. Н. Бакуля был

осуществлен промышленный синтез алмаза...

Город вырос за эти годы в пять, в шесть раз. Пустил по подземным рельсам вагоны метро—не всякая столица мира может похвастаться этим соединением красоты и разумного комфорта. И сохранил в назидание потомкам выщербленную пулями петлюровцев скорбную стену «Арсенала»...

Здесь мой дом. Здесь я живу и работаю. Я один из двух миллионов киевлян, что несут в себе память о прошлом и стремление вписать новую страницу в

героическую летопись нашей жизни.

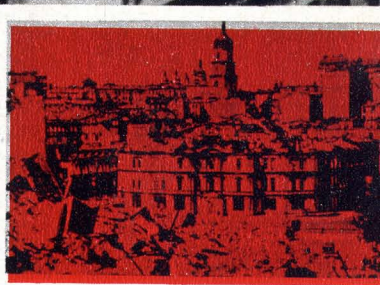
В сотый раз возвращаюсь в Киев из ближнего и дальнего путешествия. И в сотый раз это волнует, как первое свидание.

двигались телеги, редкие машины...

Двести тысяч киевлян погубили гитлеровцы—замучили в тюрьмах, засыпали во рвах. Сто тысяч угнали в рабство. Оставшиеся возродили город из руин и пепла. И мне дове-

Киев новый, сегодняшний, и такой, каким он встретил Победу, в памяти партизана-ковпаковца Платона Воронько (фото 1943, 1944 и 1974 годов)

Велико есть дело—достигать во глубину земную разумом, куда рукам и оку досягнуть возбраняет натура: странствовать размышлениями в преисподней, проникать рассуждением сквозь тесные расселины и вечною ночью помраченные вещи и деяния выводить на солнечную ясность.

М. В. Ломоносов

Встречаясь с совсем юными людьми, со школярами, известный химик Герой Социалистического Труда Борис Александрович Арбузов обычно не агитирует за то, чтобы они посвятили себя именно химии («А если завтра к ним придет математик или, скажем, юрист? Что же, так и метаться от авторитета к авторитету? Нет, выбор человек делает сам, без подсказки. Уж лучше даже—вопреки подсказке»). Хотя химия для него все. Не только наука о веществах и их превращениях. Дело, которому служил его отец и учитель—академик, Герой Социалистического Труда А. Е. Арбузов. Дело, которому служит он сам. А конкретно для него химия—это и искусственный каучук, который «обул» наши автомобили в войну, и удобрения, и гербициды, помогающие сегодня сохранить урожай на полях, и препараты для борьбы против рака, рахита, глазных и грибковых заболеваний животных и человека.

— Хотел ли отец, чтобы мы пошли по его дороге? Это достаточно сложная формула—«учитель—ученик». Да еще когда она выражена более категорично: «отец—дети». Отец был широкообразованным человеком. Его увлечение музыкой было настолько серьезным, что он выступал с публичными лекциями, скажем, о композиторах «Могучей кучки», концертировал в составе камерного квартета. Но химия... Возможно, он бо-

УРОКИ АКАДЕМИКА АРБУЗОВА

ЮНОШЕ,
ОБДУМЫВАЮЩЕМУ ЖИТЬЕ

ялся, не избирают ли его дети этот путь из-за того, что он уже пройден им самим. Поэтому мы с сестрой пришли в химию сложно, по какой-то параболе. Мой брат был, наверное, упрямее и сделал это сразу. Хорошим ли был отец учителем? Строгим, по крайней мере к нам. Моя дочь—тоже очень строгий учитель. Правда, учит она не химии, а музыке...

В химию отец его не зазывал. Напротив, часто повторял: «Довольно на семью и одного химика». Борис учился в Казанском институте сельского хозяйства и лесоводства. Летом 1925 года Арбузов-старший организовал небольшую научную экспедицию в леса под Казанью, в которую вошли три студента, в том числе и его сын.

Будущие ученые постигали весьма важную истину: общение человека с природой бессмысленно без внимания и любви со стороны человека. Практический же итог их работы—обоснование возможности в российских условиях рентабельной выделки скипидара и ка-

была любознательность. Ибо занимались мы по преимуществу чистой наукой. И влияние большинства наших открытий на прогресс техники и промышленности того времени казалось ничтожным». Но ведь учителем А. Е. Арбузова был Бутлеров. Творец замечательной теории строения вещества, автор гневной и смелой публицистической статьи «Русская или только Императорская Академия наук в С.-Петербурге?», Бутлеров на всю жизнь остался для старшего Арбузова примером ученого-гражданина.

Еще одним уроком, который получил сын от отца, был урок трудолюбия. Много лет шли они рядом или почти рядом. Общей в их биографии была и вот эта лаборатория, из которой проникают в кабинет слабое клокотание реактивов и звон стекла. Лаборатория, где со времен Бутлерова укоренилось правило—работать своими руками.

Б. ВАХНЮК
г. Казань

Фото
Л. Лазарева

2

нифоли из смолы местных сосен. До революции страна вывозила скипидар из-за границы. Накануне войны Советский Союз вышел на второе место в мире по производству этих продуктов.

Те два года под Казанью, когда теория открыто и самозабвенно работала на практику, и явились по сути главным уроком, преподанным Борису Арбузову отцом. Уроком гражданского служения стране, народу...

Александр Ерминингельдович Арбузов начинал научную деятельность задолго до революции, когда еще, как он писал, «основным стимулом нашего творчества

Рассказ академика Б. А. Арбузова, который читатель «Кругозора» может услышать на второй звуковой странице, записан в кабинете Бутлерова, в здании, построенном при великом Лобачевском, тогдашнем ректоре Казанского университета. Он словно предвидел, какую роль предстоит сыграть этому зданию в истории химии. Хотя предположить это было трудно: химии в России встречались тогда, как говорили, гораздо реже, чем молекулы гелия в земной атмосфере.

К 40-летию выхода на экраны
фильма «Юность Максима»

Счастлива судьба героя художественного произведения, когда его имя становится нарицательным. Эта завидная участь постигает лишь те создания творческой фантазии, что вобрала в себя главные черты класса, поколения, нации. У нас часто, желая сказать о самом типичном в понятии «большевик», произносят: «Максим». Пожалуй, почетней награды не получала трилогия о Максиме (сценарий и режиссура Г. Козинцева и Л. Трауберга).

Большевик Максим — рабочий парень с Нарвской заставы, прошедший подполье, царские тюрьмы, ссылки, сражавшийся за революцию и утверждавший ее, давно перестал быть киноперсонажем. Он живым вошел в жизнь поколений. Возмужавшим, умудренным опытом приходил он к героям картины других авторов — фильма «Великий гражданин». О нем слагали легенды, ему подражали живые герои в Болгарии, Польше, на Кубе...

Максим живет и в сегодняшних рабочих поколениях, большевиках 70-х годов. Они несут в себе его душевные черты, его веселую отвагу, его непримиримость к врагам революции.

Борис Петрович Чирков, создатель кинообраза Максима, рассказывает об удивительной жизни Большевика на все времена в письмах наших современников.

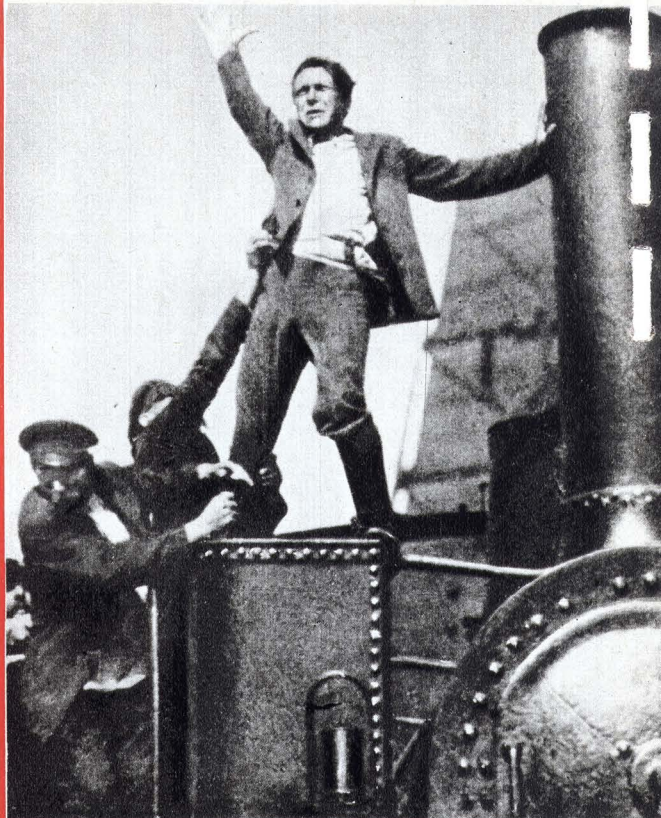
Борис ЧИРКОВ,
народный артист СССР

Сорок лет тому назад появился на экранах наших кинотеатров добрый, веселый человек, который с той поры не старел и не уставал и все продолжает свой путь по городам и селениям страны.

Так в чем же все-таки секрет его долголетия? Об этом секрете и рассказывают письма, что писали и пишут Максиму, а почтальон доставляет их мне как близкому ему человеку. Иногда адресуют: «Максиму», а иногда «Чиркову М.». Не Б. П., а М.

Первые письма стали приходить вскоре же после того, как объявился Максим на экранах. Вот передо мною письмо, которое написал ученик третьего класса. Обращаясь к почтальону, он прямо на конверте пишет: «Пожалуйста, отыщите в Москве товарища Максима и передайте ему мое письмо. Надо мне посоветоваться с надежным человеком. Счастливые московские пионеры: живут с ним в одном городе. Есть к кому обратиться за помощью».

Пожалуй, чаще всего сначала писали школьники, юноши: им нравились песня Максима и веселый его нрав, верность друзьям и ясность избранной дороги.

ГОЛОСА
НАШЕЙ
БИОГРАФИИ

БОЛЬШЕВИК

Но Максим рос на экране. Открывались новые страницы его биографии, из юности он переходил в зрелость, содержательнее становился его духовный мир. Рос и вырослел и круг его знакомых. Ему стали писать и те, кто смотрел на жизнь Максима как на пример для себя. И те, кто, пройдя активный жизненный путь, с удовлетворением видел отображение его в искусстве — в биографии Максима.

Каких только писем не получал мой друг! Признавались ему в ошибках и заблуждениях. Делились радостью победы и удачами. Помню, в дни войны старшина А. Голубков писал: «На нашем участке фронта говорили, что вы, товарищ Максим, были комиссаром полка и сами водили бойцов в атаку. Что ж удивляться, что по вашему призыву поднимались все и врагу пощады не было».

А позднее, уже в мирное время, получил Максим письмо от комсомольцев — строителей Братской ГЭС, которые просили приехать к ним и вручить награды самым отважным покорителям тайги. Из Волгограда пришло письмо, в котором рассказывалось, что Максим стал «судьей совести» в рабочем общежитии, и всякий раз, когда нужно сделать выбор, оценить чей-то поступок, произносится фраза: «А как решил бы Максим?»

Самые разные люди пишут человеку, который заслужил их доверие. Пишут мальчики, которые названы этим именем в честь Максима. Пишут родители, что перед глазами их детей постоянный пример доброго, честного человека. В недавнем послании молодые родители Валентина и Виктор Цыгановы сообщают, что назвали своего первенца Максимом и верят, что «он вырастет таким же чистым, честным и верным человеком, как полюбившийся нам герой кино».

Лет десять назад по письмам познакомился я с ленинградской семьей рабочих людей, для которых жизнь и устремления Максима были не просто яркими, увлекательными картинками чьей-то судьбы, а как бы вариантом их собственного существования. Это люди духовного равенства друг перед другом, люди, уверенно идущие к будущему, которое ясно видят душевным своим зрением. А это будущее именно то, которому отдавал все свои силы Максим.

3

Максим был неразлучен с песней. А как он нашел ее, «свою», рассказывает Б. П. Чирков на третьей звуковой странице.

Кадры из фильмов «Юность Максима» и «Выборгская сторона»: Максим, сражающийся за революцию и утверждающий ее.

НА ВСЕ ВРЕМЕНА

Творческий путь Роберта Амирханяна начался еще в студенческие годы, когда он стал писать песни. Они рождались под его пером легко и сразу же подхватывались. После окончания курса композиции в Ереванской консерватории Амирханян выступил автором сочинений в разных жанрах. Это и Вариации для струнного квартета (1969 год), удостоенные первой премии на Всесоюзном смотре творчества молодых композиторов в Москве, и небольшие Баллады для скрипки с оркестром, и Па-

Композитора также привлекает кино, где он имеет возможность работать над инструментальной музыкой, образной, лаконичной, подчиненной сюжету или развивающей характер героев. Он написал музыку уже к четырнадцати картинам, с его именем связано создание первых армянских мультипликационных фильмов.

Роберт Амирханян часто ездит по Советскому Союзу. Летом прошлого года играл и пел в концертных залах Аргентины, Уругвая, США. Ведет класс гармонии в Ереван-

ЗНАКОМСТВА

и
лирика,
и
эпос

стораль для флейты соло, и хор «Айастан» (а кацелла), отмеченный премией Ленинского комсомола...

Но все же песни — любимая область творчества Роберта Амирханяна. Они отличаются яркими мелодическими находками, точным отражением интонации поэтического текста. Уже по названиям лучших песен Амирханяна — «Где вы, парни?», «Ты — моя песня», «Мир я обнять хочу», «Время мое» — можно определить его склонность к лирико-гражданской тематике.

ской консерватории. И вот уже год, как преподает сольфеджио ученикам 5—7-х классов музыкальной школы в одной из деревень под Ереваном.

М. ТЕР-СИМОНЯН,
кандидат искусствоведения
г. Ереван

Песни Р. Амирханяна на стихи А. Саакяна и Г. Бандуряна

«Где вы, парни?» и «Ты — моя песня» на звуковой странице исполняют Эльвина Макарян и Зара Тонисян.

По просьбам
читателей

Поют ансамбли
«Самоцветы»
и «Ариэль».

Сообщение с БАМа: на западном участке строительства забит символический «серебряный» костыль.

Первые метры таежной дороги. Первые свадьбы в Звездном, Магистральном. Первый многоэтажный жилой дом в Тынде, наступивший на горло простудной романтике палаточных городков. Первые сбежавшие...

Прочтеш им вдогонку обличительный монолог с цитированием массовых песен: «Для того, чтоб по рельсам проехать, надо раньше по шпалам пройти»? Ведь оделано многое, чтобы до минимума свести период походных условий.

В Звездном с наступлением холодов исчезла последняя палатка. Есть столовая с подогревом пищи. К началу учебного года построена двухэтажная школа. Парты для нее возили вертолетами — уникальный случай в истории народного образования!

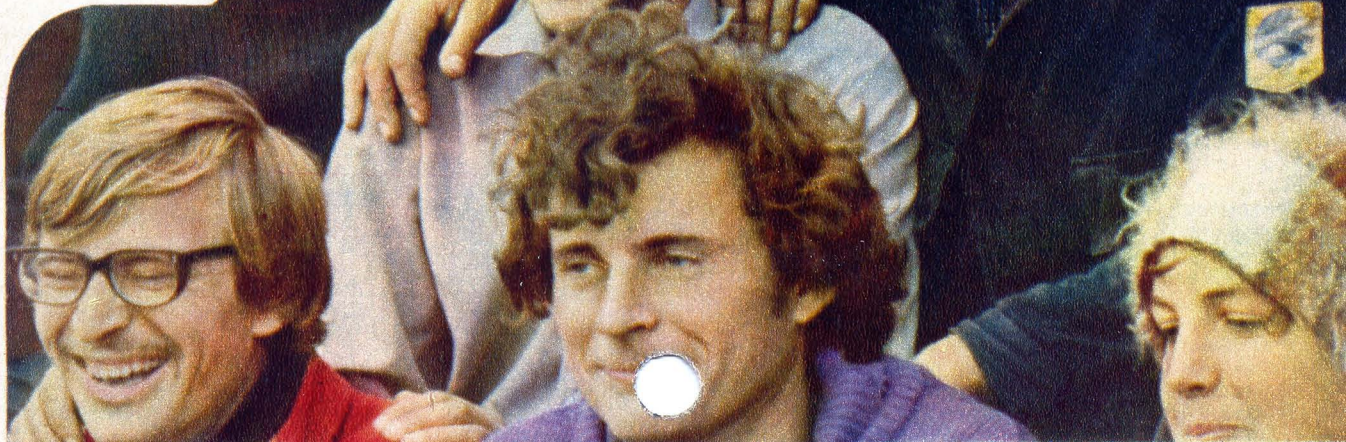
Но трудности психологические... Добровольцам, вне зависимости от про-

Твой первый шаг.
Твой самый первый след!
И первые дома
у протеск встали.

НА УДАРНОЙ **БАМ**
КОМСОМОЛЬСКОЙ

Тында.
Строители
из бригады
В. Веприцкого.

И тянутся к Амуру,
на рассвет,
два звонких рельса
из уральской стали.

фессии, пришлось поначалу взять в руки топоры, электропилы, молотки. И нашлись такие, кто не понял этой суровой необходимости БАМа: «Где, мол, обещанные автомобили и бульдозеры? Не за тем ехали!»

...На перевале Даван, под которым будет пробит тоннель, на 250-м километре будущей дороги живут человек двадцать во главе с Владимиром Усенко, московским метростроевцем. Питаются из общего котла, артельно. Перевал часто закрыт туманами, вертолеты не могут пробиться — и вот десантников снабдили... охотничьими лицензиями на отстрел медведей и лосей: вдруг придется перейти на «подножный корм»?..

Строители Байкало-Амурской магистрали проводят первую зимовку в тайге. Самую трудную: она ведь самая первая!

Ан. ТОЛИЕВ
Фото А. Маршацн

„СЕРЕБРЯНЫЙ“ КОСТЫЛЬ

В КОЛЛЕКЦИЮ РЕДКИХ ЗАПИСЕЙ

«Голос его не трепетал более—он дрожал, но той едва заметной внутренней дрожью страсти, которая стрелой вонзается в душу слушателя...» Это Тургенев, описание голоса Якова Турка из рассказа «Певцы». Рассказ был инсценирован и 10 ноября 1918 года в честь 100-летия со дня рождения его автора поставлен в Петрограде на сцене драматического Александринского театра. Роль Яшки Турка исполнял Шаляпин.

Не будь Шаляпин гениальным певцом, он стал бы великим драматическим актером... Что это—аксиома, но требующая доказательств, или утверждение, вызванное любовью к артисту?

Станиславский писал: «Мастером декламации является еще Шаляпин, который, может быть, не знает всех точных законов, но гениальной интуицией, однако, находит правильное выражение и достигает этим небывалого сценического воздействия». Между прочим, Станиславский, когда репетировал роль Сальери, ходил к Шаляпину советоваться. Сам же Шаляпин к возможности карьеры драматической относился скептически. Один из близких ему современников вспоминает: однажды за кулисами Большого театра в ожидании начала «Бориса Годунова» Шаляпин тихо произнес первые слова монолога Пимена и, увлекшись, прочел его до конца. К нему разбежались с пылкими восторгами, а он ответил:

— Не то что великий, а никакой актер драмы из меня не вышел бы. Пробовал, знаю... У меня без музыки, без вокальной выразительности нет и драматической.

Но, может, это страх воспоминаний? Ведь дебютировал Шаляпин на драматической сцене, и дважды—провалы! В Казани, в летнем театре, его обрядили в мундир жандарма в какой-то французской мелодраме. Из нескольких десятков полагающихся ему слов он не смог произнести ни одного. Пришлось дать занавес. Тогда же пробовал в концерте читать Некрасова—тот же результат. По слухам, он успешно сыграл Держи-

морду в гоголевском «Ревизоре», но сам артист об этом никогда не вспоминал.

А читать он любил и, уже став великим Шаляпиным, вновь и вновь пробовал себя в концертах и даже в драматических спектаклях. В Тифлисе в 1910 году бурю восторгов вызвало прочитанное Шаляпиным в заключение концерта стихотворение Скитальца «Кузнец». Известно, Шаляпин готовил роль царя Эдипа

ЧИТАЕТ

ШАЛЯПИН

в одноименной трагедии Софокла и репетировал с Москвиным Сатина в «На дне»—проходил мизансцены, примеривался к участию в знаменитом горьковском спектакле.

А вот его письма. В 1935 году Шаляпин просит дочь прислать театральный вариант «Записок сумасшедшего» Гоголя: «На старости моей мне страшно захотелось прочитать (сыграть) Поприщева на

сцене, как драматический этюд». В письме от 18 марта 1937 года он сообщает: «В мае, вероятно, самостоятельно устрою вечер в честь Александра Сергеевича, где, кроме пения, намереваюсь сыграть первую сцену «Скупого рыцаря» (сыграть, то есть продекламировать)».

Кроме пушкинских стихов, более других Шаляпин отличал небольшую поэму Надсона «Грезы». Летом девятнадцатого года он часто захаживал на занятия «Маленькой студии имени Шаляпина»—драматической школы, где занимались и его дочери. И на занятиях читал Надсона:

Побед и громких дел я в песнях
не пою,
Я плачу с плачущим,
со страждущим страдаю,
И утомленному я руку подаю!..

1936 год. «Катей-Отель» в Шанхае. Больной, после концерта, закутанный в теплый шарф Шаляпин полуживит в кресле. За окнами чужой город и шумная демонстрация. Шаляпин читает друзьям «Грезы»:

О, родина моя, прими меня—
я твой!..

«Грезы»—единственное поэтическое произведение, записанное Шаляпиным на грампластинку. 31 января 1922 года в студии американской фирмы Шаляпин несколько раз слушал «пробный оттистик» и... не разрешил его выпустить в свет. Он надеялся повторить запись, но такой возможности не представилось. И если сегодня мы нарушаем его собственную волю, то лишь потому, что нам дорого всякое свидетельство его могучего таланта, и еще потому, что эта запись—живой аргумент в разговоре: не будь Шаляпин гениальным певцом, стал бы он великим драматическим актером?..

Александр ШЕРЕЛЬ

На пятой звуковой странице—редкие записи Федора Ивановича Шаляпина: отрывок из поэмы С. Надсона «Грезы» и романс Э. Грига и Г. Ибсена «Стихи в альбом» (первая публикация).

Шаляпин—в студии звукозаписи. 1913 г.

Муса ГАЛИ

Мне говорят:

Не пламеней, уймись.

В житейском этом странствии

серьезном

Хоть лбом о камень бейся,

Скрутит жизнь

И обуздает рано или поздно...

Гадальщики!

От вас одна беда:

Вам только вить бы

из песка арканы...

Покою ль ради вы пришли сюда,

В мир этот зыбкий,

вздыбленный и странный?

Когда пылает голубая даль,

Не пламенеть?

Да что вы там твердите!..

Не пламенеть,

когда скрежещет сталь,

Когда палит убийца из укрытья?

Не пламенеть,

Когда дитя-цветок,

Тропу забрызгав росами, смеется?

Когда на скалы, за броском бросок,

Волна в неистовом веселье бьется?

Уняться,

Когда буйствует глупец,

В опасности обычай и разум?

Уймись—

что с миром станет, наконец,

Коль, как и я,

другие стихнут разом?

Что станет с миром,

Если вдруг родник,

Уймясь,

пробить не сможет камня толщу,

И вслед за мною

ветер стихнет вмиг,

И молния не засверкает больше?..

Гадальщики!

Пока при свете дня

И в мгле ночной

Жизнь испытанья множит,

Ничто не сможет погасить огня

В душе моей—

Унять меня не сможет.

Перевела
с башкирского
Елена Николаевская

Натан ЗЛОТНИКОВ

Хранят тепло и свет

зашторенные окна.

И медленно, как мы,

идет осенний дождь.

Косыночка твоя

давным-давно намокла.

Я руку протяну—

ты руку отведешь.

Но в царственном твоём,

твоём холодном жесте

гордыни вовсе нет

и холод показной...

Я памяти служу так верно,

как надежде,

а ты пока верна

надежде лишь одной.

Как в ранние года,

душе легко и стыдно.

Что скажешь невзначай—

запомнится навек.

Над городом твоим тепло

хранит Мтацминда.

Над городом моим

кружится ранний снег.

Ты не идешь—плывешь,

как тень листвы, бесплотна,

блистаешь, будто дождь,

струишься, словно свет.

Ты любишь и грустишь,

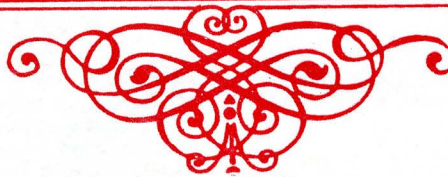
беспечна и свободна.

Ах, что же плачешь ты

в свои семнадцать лет?

Листва летит к земле,

и снег летит покорно.

Ты очень хороша!..

Забуду все равно.

Уж если я любви

когда и сеял зерна,

Они в краях родных

взошли давным-давно.

Блестит отлогий путь,

пустынна мостовая.

И счастье и беда

у сердца на виду.

Над ним одна звезда,

звезда любви живая.

Протянешь руку ты—

я руку отведу.

Вот и кончился январь.

Кончился январь,

Перевернут календарь—

Новое число.

Больше мы не ходим в лес.

Мы не ходим в лес.

Снег летит наперерез,

Вьюжит, как назло.

В синей вазе на окне,

В синей, на окне

В первом же февральском дне

Выбился цветок,
Словно было невтерпеж.

Было. Ну и что ж?..

Цвет багульника похож

На пурги глоток.

Ипеки-ка ты пирог,

Ипеки пирог!

Пусть он поспевает в срок.

Созовем ребят,

Чтоб струны гитарной медь

Не тускнела впрядь,

Станем те же песни петь,

Как сто лет назад.

Ах, как дети подросли,

Дети подросли.

Вот порхнут на край земли—

Птицею из рук!

Это наша жизнь ушла!..

Жизнь вперед ушла.

Пусть она не знает зла,

Горестей, разлук!

Знаешь, за город махнем!

В прежний лес махнем!

Первым же воскресным днем...

Лес наш так хорош!

А пока тот день вдали,

Скатерти стели

Да пирог на всех дели—

Вот зеленый нож.

Наши новые друзья,

Новые друзья

Выбирают для питья

Вermut золотой.

Наши старые друзья,

Старые друзья

Выбирают для питья кипяток крутой.

**Я твердо убежден:
познавая окружающий мир,
ребенок должен познать самого себя...
В. Сухомлинский**

Взал он приходил с работы, а они торопились сюда после школы. Были недолгие сборы, когда он мрачно ожидал, а они очищали память от последних новостей и сплетен. Это называлось—готовиться к репетиции. Скоро его терпение кончалось, и он прекращал «разминку» низким: «Ну, довольно!». Довольно так довольно. Они спешно довязывали шнуры на кедах, сухой хлопок звал их на сцену—магическое пространство, где уже нельзя молчать или колебаться, а нужно чувствовать, двигаться—словом, «давать представление». И тут они становились робкими. Во всяком случае, так было несколько лет назад, когда возникла их студия.

Он—это молодой режиссер Олег Киселев. Они—ребята из разных московских школ.

Студия появилась в результате случайной встречи Олега, тогда актера Театра на Таганке, с ребятами одного класса, которым нужно было, чтобы кто-то из взрослых помог им поставить праздничный спектакль. Случайность была счастливой. Она обнаружила внутреннюю готовность обеих

впоследствии—физиком. Но помимо этих быстротекущих желаний они несли в себе некий общий дар. Этот дар—серьезное отношение к себе и к людям, стремление познать мир и открыть в нем себя, свое место. Да, они читали книжки, и уроки учили, и слушали взрослые наставления. Но даже среди драгоценных скоплений многих дел и наук им хотелось отыскать самородок. И отыскать его как можно скорее.

Чего ждал Олег? Для него это было трудное время. Он подошел к тому этапу возмужания, когда человек, прислушавшись к миру, начинает прислушиваться к себе, чтобы вывести некую равнодействующую своих желаний, понять, к чему тянется душа. Олег однажды поймал себя на том, что больше у него нет охоты сыграть в спектакле «самую-самую» роль. Ему вдруг захотелось сыграть все роли—мужские и женские, героев и слуг. В пьесе, которую он про себя репетировал, все роли исполнял один и тот же человек—сам он, Олег Киселев. И это означало: «Мечтаю стать режиссером».

И вот они встретились. Приглядывались друг к другу. Первыми открылись ребята. Они сказали: «Учите нас по-настоящему». Он возразил: «Но вы же ничего не умеете!» Они: «Ну и что? Вот вы и научите нас...»

Попадись им более трезвомыслящий человек, а не такой мечтатель и бессребреник, как Олег, студии бы не было. Попадись им человек менее добросовестный и трудолюбивый, у них не было бы таких талантливых, свежих, веселых постановок.

Ну, а если в их будущем не окажется ничего от этого их настоящего, если никто из них не выйдет никогда на большую сцену? Не ломает ли это обстоятельство юный характер, не ляжет ли отпечаток потери на то дело, которым предстоит им заниматься? И тут мне вспоминается мудрый педагог Василий Сухомлинский, видевший главную задачу воспитателя в том, чтобы «перед каждым открывать мир будущий и не только общий, но и личный: каждого мальчишки, каждой девчонки. Не всем им суждено полететь в космос, двадцатидвухлетними защищать докторские диссертации, расшифровывать письмена, над которыми безуспешно бились ученые триста лет, или, скажем, выступать в Большом театре. Но всякий, наверное, может найти себе дорогу, путеводной звездой на которой будет не только добыча хлеба насущного, но и нечто от трудных мук творчества над докторской диссертацией, от большого чувства жизни в огромном нашем мире, который замечательный русский писатель Андрей Платонов назвал «прекрасным и яростным».

Андрей ЯКОВЛЕВ

Фото Л. Лесных

сторон к длительному, упорному содружеству. Не побьюсь сказать: каждый ждал чего-то в этом роде...

Чего ждали ребята? Им хотелось дела увлекательного и серьезного. Конечно, почти каждый неделю или другую мечтал стать артистом, как перед этим—моряком, как

«Искусство играет огромную роль в становлении личности, духовного начала вообще». Монолог режиссера-воспитателя Олега Киселева—на четвертой звуковой странице.

ПОСТИГАЯ ПРЕКРАСНОЕ

ОТКРЫВАЕМ СЕБЯ

ПРИРОДА И МЫ

Гарий НЕМЧЕНКО

Окно мое выходило на море, и, проснувшись рано утром, я первым делом раскрывал его и долго глядел на нырков, которые поодиночке плавали почти у самого берега или небольшими табунками держались поодаль.

Еще в один из первых дней кто-то из местных жителей рассказывал мне, что утки эти прилетают сюда с холодного севера, и я сразу же уверил себя, что есть тут, конечно, и наш сибирский нырок, который уже чувствует, небось, весну и чувствует дальнюю и трудную к родному дому дорогу.

Относился я к ним, будто к своим землякам, и каждую пробежку перед взлетом, когда птица часто-часто топчет по зеленоватой воде, оставляя на ней строчки крошечных всплесков, воспринимал как ниточку, которая словно связывала сегодняшние дни здесь, на море, с долгими годами, прожитыми мною в Сибири.

То ли поэтому, а то ли по какой другой причине мне всегда больно было смотреть, когда под моими окнами затевали на них настоящую охоту. То осыпала их градом камней проходившая по берегу ватажка мальчишек, то от шеренги степенно гуляющих после обеда курортников отделялся

ТЕОРИЯ ПРИБОЯ

какой-либо один, с солидным брюшком, но довольно шустрый, и принимался «пулять» по бедной утке. Иногда на гальку, волоча за собой на поводке унылого сеттера, скорым шагом выбегал усатый гражданин в галифе и в тапочках, с ходу стрелял по неплотной стайке, а потом, отложив ружье, обеими руками принимался затаскивать в воду своего четвероногого друга, который, приседая и корячась, оставлял после себя на берегу четыре глубоких и неровных бороздки.

Однажды я увидел зрелище, от которого занула душа. Около берега вверх белыми брюшками покачивалось на спокойной волне несколько уток, а подальше от них, там, где вода начинала поблескивать от солнца, виднелась целиком погибшая стая.

Я наскоро оделся и поспешил к своему другу, у которого окна тоже выходили на море. Взял его под руку, вывел на балкон:

— Ты видел?—кивнул на белеющие в море тушки.

А он молча показал рукой в другую сторону. Я глянул туда и замер: показалось, море покрыто погибшими птицами почти до самого горизонта.

Вместе мы вышли на улицу, пошли по берегу. Здесь и там кучками стояли люди, тоже смотрели в море.

— Ты понимаешь, какой дело?—виновато говорил буфетчик Гиви, который оставил свою пропахшую сбжавшим

кофе плитку, но так и пришел сюда с крошечной чашкой.—Второй месяц рыба к берегу не идет, чем кушать? Это один ученый человек сказал, он тут каждый год отдыхает... Чем, спрашиваю кушать? А нырок и так легкий, а от голода совсем, как пух. Перевернулся вниз головой и всплыть не может. Сил нет, понимаешь, какой дело?

В общем, оснований для того, чтобы относиться к нырку с сочувствием, было у меня, как говорится, более чем достаточно. И когда однажды рано утром дежурная по корпусу попросила меня отнести на берег и выпустить в море выброшенную ночью штормом утку, которая отогревалась теперь в тряпке на батарее под подоконником, к делу я отнесся со всей серьезностью.

Нырок странно изгибался у меня в руках, выпячивал острую грудку с пустым зобом, топырил лапы с желтыми полукружьями перепонки, отводил назад гибкую шею, и все это вместе я тут же воспринял как немедленное желание оказаться на воле.

— Сейчас,—сказал я ему.—Сейчас! Вот только дойдем и...

Чуть-чуть выждал, чтобы отступила большая волна, и легонько бросил нырка ей вслед. Его сперва потащило от берега, но вот он приподнялся на следующем гребешке, качнулся и стремительно понесся обратно. Не успел я еще и шага сделать от наступающей воды, как его шлепнуло о гальку у моих ног.

Я живо забрал его в руки и уже не спешил отпускать. Теперь мне казалось, что дело это не такое уж простое—отпустить нырка. Надо сперва хорошенько все рассчитать.

Слабели раз за разом удары волн, и когда наступило короткое затишье, я кинул утку, пытаюсь забросить ее за ту невидимую черту, которая отделила бы ее от коварных прибрежных гребней... Не тут-то было!

Скоро нырок снова барахтался у моих ног, и я снова приподнял его и легонько прижал к себе: выходит, опять я что-то упустил. Что?.. Может быть, надо сделать наоборот—перебросить его через самую большую волну, когда та станет откатываться назад? И пусть волна утащит нырка подальше, туда, где он сможет вырваться из приюта уже без посторонней помощи.

И опять я выждал, и слегка размахнулся, и бросил. Как его, бедного, снова швырнуло на берег!

Мне стало так неловко, словно все это я проделывал нарочно, и, снова поймав нырка, я незаметно глянул туда и сюда: нет ли кого за моею спиной? Не смотрит ли кто-нибудь с балкона?

Может быть, дать отдохнуть ему чуть подольше?

Или оставить его здесь и уйти? Но его схватит первый же появившийся на берегу мальчишка. Подождать тут, понаблюдать, чтобы этого не случилось?

Теперь я уже не стал брать его в руки. Распластавшись, нырок лежал у меня под ногами.

Шея с нахохленными перьями беспомощно вытянулась во всю длину, тонкие ноги были судорожно откинута. Желтый

клев ему, казалось, сомкнуло отчаяние, и карий глаз уже начал стекленеть—жили только худенькие птички бока, которые то неравномерно вздымались, а то подрагивали.

На утку жаль было смотреть. Вот ведь какое дело, думал я про себя, есть же, наверное, какой-то закон приюта, какая-нибудь теория, зная которую, конечно же, можно запросто отправить нырка обратно в море... Но неужели нельзя все рассчитать так вот—чутьем, на глазок?

Я снова стал оглядываться, и посмеиваясь над тем положением, в которое попал, и одновременно стыдя себя за то, что совсем замучил маленького нырка.

По берегу шел высокий человек в синем спортивном костюме, с полотенцем через плечо. Показалось, что еще издали он с осуждением поглядывает мне под ноги, и мне захотелось то ли оправдаться перед ним, то ли взять его в советчики.

Человек подошел уже совсем близко, и я слегка качнулся ему навстречу:

— Понимаете, какое дело...

И тут скорее почувствовал, чем увидел какое-то движение у себя под ногами.

Я посмотрел вниз.

Отчаянно покачиваясь с бока на бок, нырок топтал к морю. Немножко пробежал по воде, ударился гудкой о волну, закачался, и мне вдруг стало ясно, что он уже там, за той невидимой чертой, которую так долго не мог преодолеть с моей помощью.

— Вы что-то хотели спросить?—раздался позади меня чуть глуховатый голос.

Я не знал, что теперь говорить, сказал как-то сбивчиво:

— Тут был нырок...

Человек улыбнулся, и лицо у него стало доброе:

— Удрал от вас?

— Н-нет, я его не держал... Наоборот.

Тот насмешливо прищурился:

— Хотите сказать, он вас держал?

Я тоже рассмеялся.

Он сказал:

— Море сегодня, правда? А ночью был шторм.

— Да, шторм.

У меня за спиной опять заскрипела галька.

А я стоял и все смотрел на нырка, который что есть мочи удрал все дальше от берега.

Эх, ты, говорил я себе, теория приюта! Наверное, тут всего лишь одна теория: не лезть с непрошеной помощью, не навязывать своей воли, если ты не знаешь с точностью, что именно надо бессловесному зверьку или птице... И как знать, может быть, единственное, что можно позволить себе в этом смысле,—это в самом деле постоять терпеливо рядом, чтобы никто их не обидел.

А помогут они себе сами.

Природа щедро одарила Екатерину Шаврину. У нее красивый, сильный голос, который нельзя не узнать сразу. Что бы ни пела певица—старинную русскую песню или современную эстрадную, она вкладывает в нее всю душу, весь запас темперамента. Всегда точно находит она те единственные краски, которые не предусмотрены никаким клавиром.

Поразителен ее оптимизм. Не показной, на концерт, а внутренний—глубокий, естественный. Может быть, поэтому даже печальная песня в исполнении Екатерины Шавриной оставляет светлое чувство. Это тоже от природы, от характера. И еще от огромной любви к людям, к жизни, от желаний приносить своим искусством радость и учить добру. Когда поет Шаврина, перед глазами встают картины родной природы, у каждого свои, но одинаково дорогие и волнующие. Это может быть наполненный зимним звоном русский лес, или проселочная дорога, увитая желтеющими осенними травами, или бурная в своем апрельском порыве с детства любимая река... У каждого свое. Но песня всех нас объединяет одним великим чувством приобщения к музыке, понимания ее. Мы становимся не просто слушателями, а соучастниками искреннего поиска гармонии и красоты. Репертуар Шавриной продиктован опять-таки ее натурой, характером, а не только музыкальными симпатиями и вкусом. Она хочет выразить себя, свое отношение к миру посредством простого и понятного каждому человеку признание в любви—от безграничной нежности к Родине до обжигающих страстью слов суженному. Вспомните ее исполнение популярной песни «Гляжу в озера синие». Сколько внутренней убежденности и

силы! И в то же время—лиричность, мягкость, отзывчивость. А рядом безыскусная, но такая искренняя песня «Кто же знал». И уже другая Шаврина—печальная и притихшая—жалуется нам, никого не виня, прощая и надеясь. Или вдруг, словно русская метелица, подхватывает нас «Банька сибирская»...

И так всегда. Мы вслед за певицей и вместе с ней то грустим, то радуемся, то уходим в свои воспоминания, то предаемся безудержному веселью. Кажется, эта высокая, обаятельная молодая женщина знает каждого из нас, сидящих в зале или у экрана телевизора, с каждым ведет свою удивительную игру звуков и слов. Скольким песням дала она путевку в жизнь! Сколько молодых композиторов открыла для нас! Екатерину Шаврину одинаково восторженно встречают и строители Сибири, и молодежь столицы, и студенты, и воины, и колхозники. Не случайно певица стала лауреатом премии Московского комсомола. Не только потому, что хорошо поет, но еще и потому, что своим искусством выражает наше время, потому что причастна ко всему, чем живет молодой человек семидесятых годов.

Андрей ДЕМЕНТЬЕВ,
поэт

Поет Екатерина Шаврина. На восьмой звуковой странице вы услышите в ее исполнении «Любовь неверную» (В. Гусаков, В. Бурыйгин) и «Гордую песню» (А. Мажуков, В. Харитонов).

Фото
А. Лидова

ОТ СЕРДЦА К СЕРДЦУ

По просьбам читателей

ГОСТИ МОСКВЫ

ТРЕТЬЯ ВСТРЕЧА

Впервые я встретился с Рафаэлем во Франции в 1967 году, в парижском концертном зале «Олимпия». Успехом в этой французской «академии песни» началось триумфальное шествие певца по эстрадам мира. Во время последнего, третьего приезда Рафаэля в Советский Союз я заинтересовался, как сложилась его судьба после «Олимпии».

РАФАЭЛЬ. Позади гастроль почти по всей Латинской Америке, Соединенным Штатам, Японии. Съемки в шести кинофильмах. Грамзаписи. Участие в телевизионных музыкальных программах Франции, Англии, США...

И все-таки самой памятной для меня осталась первая победа на фестивале песни в Бенидорме в 1962 году, когда мне было 19 лет. А после «Олимпии» — двухчасовой концерт в Испании, где я спел 26 песен. Это было необычно: испанская публика к таким сольным выступлениям не привыкла.

В 76-м году я собираюсь в четвертый раз приехать в СССР. Хочу привезти музыкальный спектакль с песнями, балетом, испанскими танцами.

Борис СИМОРРА
Фото А. Шибанова

По просьбам читателей

Убеден: хохот до колик может вызвать только актерская импровизация. Напишите так, чтобы были паузы, воздух, взгляды, непонимание, тупое молчание, найдите актеров, сыгравших это, — зал ваш!

Мы все учились у Райкина — хотел он этого или нет. Смотрите, Виктор Ильченко закончил Одесский морской институт. Потом был Одесский порт, потом — театр Райкина, потом — театральный институт. Роман Карцев — наладчик швейных машин. По-

том был театр Райкина, потом — театральный институт. Каждый из них лет по десять у Райкина. Все хотят смеяться. Приходят — и давай, К Карцеву — Ильченко на концерт приходят киношники записывать смех в зале. Для разных своих нужд. Я давно не слышал, чтобы так хотели зрители. Я давно не видел, чтобы так выматывались актеры. Страшный труд. И хорошие ребята. По тридцать с лишним. Морские. Железные. Без интриг, без оглядки, без особых конфликтов между собой. Такой у нас экипаж, такая случайно подобранная и поэтому естественно совместимая команда.

Правда, иногда мы повторяемся. Как горемычные создатели «Ну, погоди!», все продолжаем серию «А вас?», «Экзамен», «Скажи, что ты Вася», «Погуляли»...

Я все время путаюсь: «мы» — «они». Мы — потому что лет 15 мы уже втроем, а пишу о них, о Карцеве — Ильченко. Двое — и две тысячи в зале. Потому что он слышен из зала — смех. Он привлекает. Отчего вы тут смеетесь? Я тоже хочу.

Как мы хотим смеяться...

М. ЖВАНЕЦКИЙ
Десятая звуковая страница: интермедии «Встретились — разбежались», «Доктор и больной».

Н. Гильен,
лауреат международной
Ленинской премии
«За укрепление мира
между народами» (Куба).
Стихи (№ 3).

В. Баснер, композитор,
М. Матусовский, поэт.
Песня «Девушка из Бреста»
(№ 12).

Н. Капишников,
учитель (пос. Мундыбаш).
Монолог
«Воспитание музыкой»
(№ 1).

И. Лисов,
генерал-лейтенант.
Монолог
«Что дает армия человеку»
(№ 4).

И. Молчанов,
поэт. Статья
«Жизнь—песня» (№ 12).

Редколлегия журнала «Кругозор» отметила как лучшие следующие материалы, опубликованные в 1974 году:

Т. Вавилова,
пилот (г. Абакан).
Монолог «За мечту
нужно бороться» (№ 8).

Р. Плятт,
народный артист СССР.
Рассказ о радиотеатре
(№ 11).

В. Постников,
Герой Социалистического
Труда (г. Электросталь).
Монолог «Призвание—
это умение хорошо
работать» (№ 7).

М. Ромадин,
художник.
«Пушкин»,
обложка (№ 6).

А. Рыбников,
композитор.
Музыка в «Колобке»
(№№ 2, 8, 12).

1 (130) январь
1975 г.
Год основания—
1964 г.

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ,
ЛИТЕРАТУРНО-МУЗЫКАЛЬНЫЙ
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЗВУКОВОЙ ЖУРНАЛ

© ИЗДАТЕЛЬ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
КОМИТЕТ СОВЕТА
МИНИСТРОВ СССР
ПО ТЕЛЕВИДЕНИЮ
И РАДИОВЕЩАНИЮ
1975 г.

На первой странице
обложки:
**Ансамбль народной
песни и танца.**
Из цикла
«В мире профессий».
Художник
Л. Сафронов

Звуковые страницы
изготовлены Всесоюзной
студией грамзаписи
фирмы «Мелодия»
и Государственным
Домом радиовещания
и звукозаписи

Сдано в набор
29.XI.1974 г.
Б05012 Подп. к печ.
10.XII.1974 г.
Формат 60×84 1/2
Усл. п. л. 1,24
Уч.-изд. л. 2,03
Тираж 500000 экз.
Зак. 3119 Цена 1 руб.

Ордена Ленина
и ордена Октябрьской
Революции типография
газеты «Правда»
имени В. И. Ленина
125865, Москва, А-47,
ГСП, ул. «Правды», 24

СЛУШАЙТЕ В НОМЕРЕ:

1. «На площадь Победы дорогу спроси». Киев: документальная запись 1943 года и новая песня В. Ивасюка и Ю. Рыбчинского.
2. Я привык работать своими руками. Говорит академик Б. А. Арбузов.
3. «Вот эта улица, вот этот дом». Народный артист СССР Б. Чирков об истории песни Максима.
4. Прикосновение к творчеству. Монолог о школьном театре.
5. Шаляпин известный и неизвестный.
6. Майя Плисецкая в балете Ролана Пети.
7. Песня позвала на БАМ. «Багульник» (В. Шаинский, И. Морозов), «Нужна наша молодость» (Б. Савельев, М. Плячковский).
8. Поэт Екатерина Шаврина.
9. Композитор Роберт Амирханян.
10. На эстраде Р. Карцев и В. Ильченко.
11. Рафаэль (Испания): «Мы с тобой» (М. Клавель), «Некому дать совет» и «Думай об этом» (М. Алехандро).
12. Баффи Сент-Мари (США): «Ростки братства», «Карусель», «Ущелье Догет», «Черноглазый мальчик».

Редакционная коллегия: И. Д. КАЗАКОВА,
Л. Э. КРЕНКЕЛЬ, А. Г. ЛУЦКИЙ (главный художник),
В. В. МАНИОН, Н. П. СУББОТИН (главный режиссер),
Б. Л. ТИХОНЕНКО (зам. главного редактора), Г. М. ШЕРГОВА.
Технический редактор Л. Е. Петрова

Пишите
нам по адресу:

113326, Москва,
Пятницкая, 25, «Кругозор»

Уже несколько раз в Москве был показан дуэт из балета «Гибель розы», поставленного французским хореографом Роланом Пети,—короткая танцевальная песнь о несбывшейся любви, о медленно опадающих лепестках надежды, о незащитности прекрасного, о скорбной сдержанности страдания.

Когда Пети набрасывал в своей тетради эскиз постановки, он будто попеременно обращал свой взгляд не только к танцу, но и сопредельным искусствам: поэзии, музыке, кинематографу. Сколь необъяснимо таинственным и внезапным бывает этот озаряющий художника синтез!

Откуда-то из далеких глубин детства, из школьной хрестоматии вошло в память восьмистишие английского поэта и графика Уильяма Блейка «Большая роза». Рисунок самого Блейка, изображающий гибель точимой червем розы, на протяжении многих лет стоял перед мысленным взором балетмейстера. На его сценическом мольберте одно за другим сменялись монументальные хореографические полотна—«Кармен», «Сирано», «Собор Парижской богородицы», множество мелких работ, но для блейковских строчек, как ни странно, не хватало музыки.

Когда-то Пети считал, что музыка должна быть сочинена для балета специально либо переделана применительно к нему. Но, спрашивал он себя теперь, неужто в океане симфонической классики нельзя отыскать «танцуемые» страницы?

Необыкновенное адажиетто из Пятой симфонии Малера явилось к нему не в записи, не на концерте. Оно пришло к киноэкрану. Фильм Висконти «Смерть в Венеции» по новелле Томаса Манна, где адажиетто звучало полностью, был тем художественным потрясением, которое вызвало у темпераментного Пети возглас: «Эврика!» Он рассказывал, что в иные моменты фильм воспринимался им как «зрелище музыки». Неторопливый, глухой ритм адажиетто, подобный ударам сердца, создавал необычайно сильный и глубокий психологический фон картины. У Висконти, превратившего манновского героя—писателя Ашенбаха—в композитора (все ради той же малеровской музыки!), речь шла о трагедии художника, старого, погруженного в искусство человека, нашедшего смерть в погоне за призраком красоты. Фильм зажег целый сонм ассоциаций в воображении Пети. И все-таки он возвратился снова к строкам Блейка, кото-

рые помнил наизусть: «О роза, ты больна, какой-то червь ничтожный...» Разумеется, можно трактовать «Гибель розы» шире, подумал он, ставить ее как притчу о золотой розе творчества, мысли, подчеркнув блейковский мотив опасности, разрушительного начала. Но смертоносный червь у Блейка—многозначный образ. Это и слетевшая из мрака пылинки зла, это и символ обжигающей, властной и эгоистической страсти. Вот отчего гибнет нежный цветок, впервые проснувшийся для любви. Именно восход и закат этой любви, ее счастье и горечь, отчаяние и блаженство и нужно выразить в этом танцевальном дуэте, противоборствующем диалоге.

Итак, в «Гибели розы» должны танцевать двое. Мужскую партию Пети поручит одному из лучших своих танцовщиков—Руди Бриансу. А для партии Розы есть только одна-единственная балерина—Майя Плисецкая. Только она может воплотить возвышенную печаль, которой пронизана музыка Малера. Только ее волшебные руки, ее «по-

ющая» пластика могут передать хрупкость немого танца Расставания. Только ее удивительный импровизационный талант мог бы сообщить балету неповторимость, неожиданность. Французский хореограф закрыл рабочую тетрадь—эскиз переставал быть эскизом.

Артем ГАЛЬПЕРИН

Народная артистка СССР, лауреат Ленинской премии Майя Плисецкая и Руди Брианс в «Гибели розы». На шестой звуковой странице вместе с балетмейстером Роланом Пети они открывают перед вами занавес балета.

БАФФИ СЕНТ-МАРИ

ЭСТРАДА ПЛАНЕТЫ

США

12

Мы привыкли к тому, что песенный фольклор Северной Америки—это по преимуществу негритянские песнопения и народные песни первых поселенцев. Но есть еще одна богатая и необъятная песенная стихия—фольклор национальных меньшинств. Чтобы ощутить тающиеся в нем сокровища, нужно послушать песни индейцев. Послушать Баффи Сент-Мари—уроженку индейского племени кри, живущего в Канаде.

Баффи родилась в 1941 году и воспитывалась в семье приемных родителей в Новой Англии (США). Она готовила себя к преподавательской деятельности: с отличием окончила факультет восточной философии Массачусетского университета. Еще в университете Баффи начала серьезно заниматься музыкой. Впрочем, пела она только на студенческих вечеринках и в клубах. Но однажды в Нью-Йорке, в обществе исполнителей народных песен, она попробовала показать свой репертуар. Ее голос, своеобразный, слегка вибрирующий, необычного тембра, придающий песням особое очарование, произвел большое впечатление на собравшихся. Она стала профессиональной певицей.

Баффи усиленно занимается вокалом, гитарой, научилась играть на однострунном индейском губном луке, чье звучание чрезвычайно нравится ее слушателям. В 1964 году—большое турне по США и Канаде, многочисленные выступления по радио и телевидению, запись ее первого «гиганта».

Начав с исполнения стилизованных народных песен, Баффи увлеклась сочинением собственных композиций. Ее песни эмоциональны и лиричны. В ее активе записи, весьма различные по стилю, выразительным средствам, сопровождению—от гитары до современных электронных инструментов. О чем ее песни? Баффи говорит: «Я пою о горестях моего народа и о том, что волнует меня в окружающем мире...»

Цена 1 руб.

П. БОРИСОВ